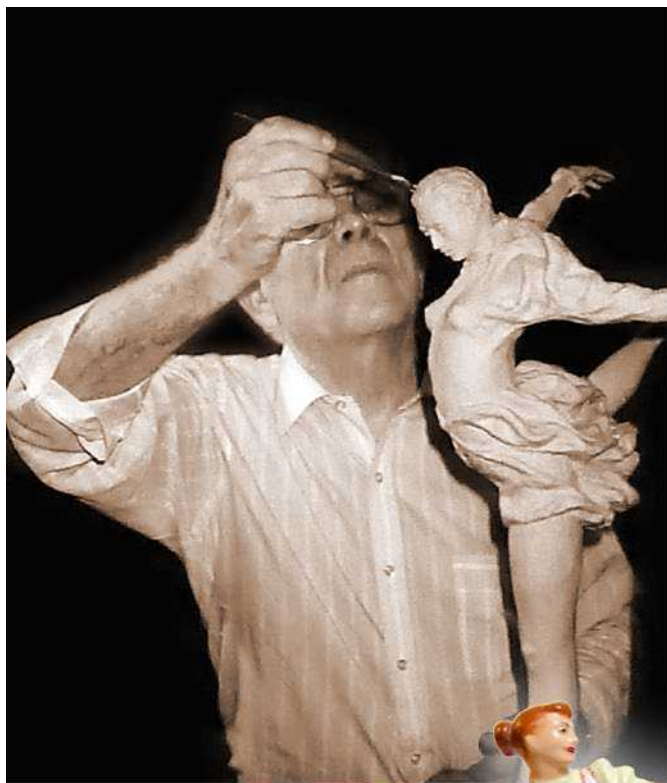

Фантазии Лео Мола

Лео Мол создал более сотни незабываемых скульптурных портретов премьер-министров, кардиналов, Пап; детей, красивых женщин; монументов, статуй, рельефов в Канаде, США, Европе. Чудесных витражей в церквях Манитобы. Более 300 его работ выставлено в одном из садов парка Ассинибойн в Виннипеге, который теперь носит его имя (Leo Mol Sculpture Garden). Член Королевской Академии и ассоциации скульпторов Канады, он был удостоен самой высокой награды страны – ордена Канады. Имеет множество медалей художественных ассоциаций других стран. Он изображён на почтовой марке Канады. Его именем названа школа в Баварии... В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения скульптора.

Он был, безусловно, прав, сменив имя и фамилию: не всякий канадец может произнести «Леонид Молодоженин» без запинок, не говоря уже о том, сколько возникло бы вариантов написания. А если разобраться, он вовсе не сменил их, а просто укоротил. Урезал, стёр и... начал всё сначала, проведя жирную черту между тем, что уже случилось с ним, и тем, что должно было быть впереди. Там, позади, остался мальчишка Лёня – юноша, тонкая душа – молодой человек, которого чудом не раздавила военная громада. По эту сторону стоял свежеиспечённый эмигрант Лео Мол в трепетном 33-летнем возрасте, держа под руку жену Маргарет. С собой чемодан и 70 долларов.

Шёл 1948 год. Канада нуждалась в фермерах, поэтому скульптор Лео Мол попал в Саскачеван, одну из сельскохозяйственных провинций страны, как это происходило со многими, кто тогда приезжал в Канаду. Городок назывался Хадсон Бэй. Возможно, появившись он здесь летом, работа нашлась бы, но они с Маргарет прибыли в разгар зимы, когда фермерская, да и всякая другая жизнь здесь замирала. Вскоре молодая пара решила попытать счастья в Виннипеге – столице соседней провинции Манитобы. Здесь повезло сразу: договорился с хозяином одного небольшого магазина и начал делать глиняные

Лео Мол. *Behind Birds Hill Park*
(За парком «Птичий холм»). 1970. Х., м. 25,5х29,5
© Mayberry Fine Art Gallery. Виннипег, Канада

Лео Мол. *Ферма в Баварии*. 1978. Бум., пастель. 51х61
© Loch Gallery. Виннипег, Канада

фигурки белок и зайцев. Их хорошо раскупали. Было это так или не совсем так, он, скорее всего, мечтал о чём-то более серьёзном: к тому времени он был и художником, и скульптором, и витражистом.

Подрабатывая в одной из церквей, он разговаривался (небольшое преувеличение, поскольку Лео прибыл в Канаду, не владея английским), точнее, объяснился со священником, рассказал, что умеет, тот показал ему репродукции мозаики в итальянской церкви и спросил, может ли Лео сделать нечто подобное. За три месяца церковь преобразилась до неузнаваемости. Священник был доволен, а у Лео сразу появились заказы. Маргарет устроилась в школу в нескольких милях от Виннипега, она владела английским. Там они и жили, поскольку приезжим учителям предоставлялось бесплатное жильё. Жизнь понемногу налаживалась.

Возможно, что поначалу это и была цель Лео: жить спокойно, тихо, в небольшом городе, работать по специальности, иметь свою маленькую студию. Был он человеком скромным, без больших амбиций, уже уставшим от жизненных перипетий. Однако он всегда был жадным до любимой работы и – осознавал ли? – очень талантливым. Вот это данное свыше блестящее сочетание – неленивой души, огромного трудолюбия и многогранной щедрой одарённости – не могло оставить его в тени. Талант оказался выше страха, смятения, желания быть незаметным, он словно направил на него луч прожектора, поднял на пьедестал и показал миру.

Никогда не попадался мне такой аккуратный, проработанный до мелочей архив, состоящий из десятков ящиков, наполненных толстыми

папками: каждый документ подписан, дата указана, фотографии в коробочках расставлены по годам. Архивисты университета Манитобы проделали большую работу: то, что им передали, они окружили профессиональной заботой, вниманием – ведь это наследие скульптора с мировым именем. Однако за несколько дней многочасовой работы с архивом я обнаружила, что не смогла найти ответы на вопросы, которые у меня были: легенд становилось больше. Они запутывали, уводили в сторону или останавливались в своём повествовании в самом неожиданном месте... Архивист университета Манитобы Джеймс Коминовский – знающий, замечательный помощник. Спросила его о том, кто сдал на хранение архив Лео Мола. Его жена Маргарет Мол. Интересно, почему в архиве среди сотен фотографий (в основном, с произведениями скульптора), всего несколько с Лео, да и на тех он запечатлён за работой. С трудом нашёлся его портрет и случайно обнаружилось фото, где едва можно разглядеть Маргарет. Собственно, в этом архиве вообще нет ничего личного, домашнего, повседневного... «Маргарет сказала, что принесёт ещё несколько коробок, что она работает над материалами, – рассказал Джеймс, – но этого не случилось, или она не успела их принести». «Не удивлюсь, – поделился друг семьи Молов Брайен Петренко, – если Маргарет просто выбросила всё, что касается их личной жизни. Они не любили публичности. Может быть, родственники забрали их фотоальбомы и документы».

Леонид Григорьевич Молодоженин (иногда пишут Молодожанин) родился в 1915 году в селе Полонном, ныне районном центре Хмельницкой области, что на реке Хоморе. Это было

Лео Мол. *Tom Lamb (Том Лэмб)*. Скульптура. 1991. Бронза
Сад Лео Мола. © Фото М. Грандмезона. Виннипег, Канада

Лео Мол. *Surprise (Удивление)*. Скульптура. 1976. Бронза
Сад Лео Мола. © Фото М. Грандмезона. Виннипег, Канада

многонациональное, хотя и не во все времена дружное, поселение, где соседствовали православный монастырь, костёл и синагога. И такая величавая красота окружала людей, что вполне естественным кажется рождение на этой земле певцов, писателей, художников; развитие «красивых» производств – фарфора и керамики.

В семье Ольги Васильевны и Григория Кирилловича Молодожениных он был первенцем, родившимся во время войны. Отец, гончар-одиночка, изготавливал тарелки, кружки, миски, игрушки для ребятишек из глины, которую выкапывал прямо около дома, и продавал их на рынке. С детства мальчик видел вращающийся гончарный круг, наблюдал чудесное превращение комка глины в изделие. Его первым детским развлечением была лепка («...он научился мять глину раньше, чем ходить», – написал о нём Ф. Манор в своей статье¹). Маленькие пальчики мяли податливый материал, и вскоре стали появляться на свет вполне узнаваемые зверюшки и, наверное, не будет преувеличением сказать, что именно тогда пришло первое ощущение радости творчества, созидания: получилось! Вот более позднее воспоминание самого Леонида: «Это было сюрпризом для меня: я слепил кролика из довольно большого куска глины, сделал ему глазки из угольков, он был очень похож на настоящего...»². Однако отцу хотелось бы, чтобы Леонид продолжил его дело. Это и понятно: трудно представить

себе сельского гончара, мечтающего о карьере скульптора для своего сына. Но сын убедил его, сказал, что не хочет быть «горшечником», и отправился на учёбу... в Вену.

В архиве хранится материал, присланный Лео Молю от некой Джейн Шен. Это рассказ о себе от первого лица, который написал или надиктовал Мол, а Джейн, вероятно, отредактировала. В частности, он рассказывает, как с детства мечтал стать скульптором: «И я поехал в Вену...»³.

Уже в упомянутой статье Ф. Манора описаны детали: «Он учился у австрийского скульптора Вильгельма Фрасса»; и продвигаемся дальше: «Скопив денег, он поехал поступать в Берлинскую академию искусств»⁴.

Из прекрасно иллюстрированной книги Поля Дюваля «Leo Mol Sculpture Garden»: «Лео пересёк границу на поезде, чтобы оказаться в великом центре культуры Вене. Ему шёл 15-й год»⁵. У него же мы можем прочесть о том, что Лео учился у скульптора... – но нет, не у Вильгельма Фрасса, появляется новое имя – педагог Анна Фалендорф. Кстати, Поль был хорошо знаком с Лео, неоднократно встречался с ним, писал о нём ещё при жизни скульптора, отправлял ему черновики книги.

Статей о Лео Моле, интервью с ним в архиве собраны десятки, в большинстве из них с восхищением рассказано, как мальчик из украинского села один отправился в Вену. Вероятно, у англоязычных читателей это не вызвало

никаких вопросов. Ребёнок захотел учиться и поехал. Сын гончара, Украина, 1930 год, деньги на образование... Ассоциативный список, перечёркивающий эту информацию, можно продолжить: подобных чудес с советскими людьми в то время произойти не могло.

В 1994 году в Канаде вышел документальный фильм под названием – пожалуй, лучше не скажешь, – «Лео Мол в свете и тени». Хорошее доброе кино в лучших традициях документалистики: тщательно подобранные кинокадры, фотографии, музыка. Особую ценность представляют сегодня интервью с Лео Молом, который был тогда ещё жив. В этом фильме Вена не упоминается, и звучит совершенно другая версия, о которой речь пойдёт ниже.

Глория Романюк, архивист украинской католической архиепархии в Виннипеге: «Я беседовала с женой Лео Маргарет Мол, и она подтвердила, что он не учился в Вене. Так сложилась его жизнь, что ему приходилось придумывать кое-что из своей биографии, иногда казалось, что он сам уже не помнит, где правда, а где вымысел».

В 1995 году на Украине вышла книга профессора Д.Степовика «Скульптор Лео Мол. Жизнь и творчество»⁶, наиболее полное исследование о скульпторе, где появляются новые подробности, о которых раньше Лео не сообщал.

Вернёмся в Полонное. Во время Первой мировой войны начались нелёгкие времена для семьи Молодожениных. Их сослали в Сибирь, в село с символичным названием «Мышеловка» под Иркутском (если Лео правильно запомнил его по рассказам родителей). За что сослали в такую даль, точно не сказали, дома тихо говорили – «за политику». В Сибири Григорий Молодоженин работал на керамической фабрике. Зарплату не платили – расплачивались продукцией, которую в выходной он возил продавать в Иркутск. Вскоре семья переехала в город. В Иркутске их и застала революция. Говорили, что можно теперь вернуться домой, на Украину, но с маленьким Лёней на руках они не решились проделать такой путь и, кроме того, боялись новых преследований. В 1921 году Григорию предложили работу на фарфоровой фабрике в Красноярске, куда они и перебрались. Семья выросла: у Лёни появились брат Виктор и сестра Нина. Здесь Лёня пошёл в школу, которая ему очень нравилась. А главное, ему повезло с учителем рисования по фамилии Рохлецкий. Он чувствовал, что у мальчика есть способности и интерес к этому делу, и старался уделять ему побольше внимания. А дома отец позволял лепить из гли-

ны фигурки, постепенно обучал и гончарному мастерству (это было именно здесь, в Красноярске, а не в Полонном, как писал Ф. Манор. В Полонном Лёня был ещё мал для лепки).

В 1929 году семья перебралась в небольшое село в Кабардино-Балкарии, а затем в Нальчик. Леониду 14 лет. Он должен был пойти в восьмой класс, но старшие классы в то время переводили на фабрично-заводское обучение, и ему было предписано стать электротехником. Лёня понимал, что это не его дело, он давно ощущал в себе художественные способности и огромное желание реализовать их. Подвернулась работа художника-оформителя (его попросили нарисовать бандуристов для оформления сцены). В профсоюзе похвалили, посоветовали поступить на рабфак в Ленинграде, а рисунок использовать для вступительных экзаменов: обязательно пройдёт. В семье поддерживали. Но, когда он приехал поступать, оказалось, что группа уже набрана.

Леонид просто влюбился в Ленинград, сходил в Эрмитаж, другие музеи и твёрдо решил остаться в этом городе. В век агитационной работы художники-оформители нужны были везде, и место для него нашлось быстро. Случайно он услышал о вечерней художественной школе и записался в класс скульптуры. Вела его пожилая немка, в молодости ученица знаменитого скульптора Матвея Чижова – Анна Фалендорф, которую Лео Мол в своих вынужденных фантазиях отправлял то в Вену, то в Берлин. Она сразу заметила, что этот мальчик «скульптор от Бога»: он быстро перегнал многих в группе, хотя они давно уже занимались и были старше. Она давала Леониду индивидуальные задания и даже попросила его сделать скульптуру «живой модели», посадив одну из учениц позировать, чего не мог ещё сделать ни один её ученик. Эту работу по просьбе Анны Фалендорф Лёня отвез по указанному адресу с её письмом. И через несколько дней Леонид Молодоженин был принят в Школу молодых дарований при Всероссийской Академии художеств. (Среди немногочисленных учеников школы были будущие известные скульпторы Лев Кербель и Михаил Аникушин.) Параллельно он завершал общее среднее образование.

Летом 1934 года он поехал домой. В то время в Кабардино-Балкарской столице было много курортов для партийной элиты страны. Леонид пришёл в архитектурное управление, где обрадовались его неожиданному появлению и поручили ответственную задачу – выполнить скульптурные композиции для здания санатория ЦК КПСС. На полученные за эту работу

*Лео Мол. Без названия. 1962. Бум., пастель. 39.5x56
Частная коллекция. Канада*

деньги родители смогли купить в Нальчике первый собственный дом.

В 1935 году он поступает в Академию художеств (ныне – Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина) в класс известного советского скульптора Матвея Манизера. Это были счастливые студенческие годы с очень яркими и важными событиями: два из них были «музыкальными».

Леонид довольно часто ходил на концерты в Ленинградскую консерваторию, ему нравилась классическая музыка. Так у него появилась мысль сделать бюст П.И. Чайковского, тем более что специализировался он у Манизера на скульптурном портрете. Потом пришла к нему «коммерческая» идея: он решил показать бюст композитора ректору консерватории. А дальше волшебные минуты: секретарь, наконец, пропустила его к ректору, и вот уже белый бюст Чайковского стоит в его кабинете на чёрном рояле. Консерватория не только купила его творение, но и заказала скульптуру композитора И. Бородина.

Именно этот небольшой бюст Чайковского был растиражирован и стоял во многих домах, музыкальных школах, клубах страны. А скульптуру Бородина можно и сегодня увидеть в холле Санкт-Петербургской консерватории.

В исследовательской работе бывает много тупиков, которые невозможно обойти, – время идёт, свидетели того или иного события, родственники, знакомые уходят, ниточки обрываются...

Мне повезло: в Нальчике в Национальном музее Кабардино-Балкарской автономной республики работает старший научный сотрудник экспозиционного отдела Надежда Ивановна Емельяненко – человек неравнодушный, любознательный, ответственный, с той азарт-

*Лео Мол. Без названия. 1967. Панель, м. 35.5x46
Частная коллекция. Канада*

ной искоркой, без которой нет настоящего музейного работника. В течение двадцати лет она пыталась найти автора бюста известного кабардинского поэта Бекмурзы Пачева, который был выполнен в 1937 году и установлен в городском парке Нальчика в 40-м, но ей это не удавалось. Мысль о том, что автор скульптур львов у входа в городской парк и бюста знаменитого поэта – один и тот же человек, приходила Надежде Ивановне, но никаких подтверждений этому она найти не могла. И вот спустя десятки лет её разыскала родная сестра Леонида Молодожена Нина Григорьевна Зюзина, которая приехала в Кабардино-Балкарию из Иркутска в 2004 году. Она рассказала, что автор бюста Пачева и других работ в Нальчике – её брат, ныне известный в Канаде скульптор Лео Мол. Надежда Ивановна была потрясена! Она стала собирать материалы о жизни и творчестве скульптора, открыла в музее выставку его работ. Лео был тогда жив, но очень болен и практически не общался с людьми. А вот с его женой Маргарет Надежда Ивановна начала переписываться. Зная о том, как часто муж вспоминал Нальчик и как он был дорог ему, Маргарет отравила в дар музею его рисунки, наброски, фотографии (как уточнила Надежда Ивановна, «670 единиц хранения»), позже – скульптурные работы, гравюры и снова – живопись Лео (общим весом 123 килограмма), однако из-за финансовых проблем (музей не располагал средствами, чтобы заплатить пошлину, а Министерство культуры России было не в состоянии ему помочь), они, к сожалению, по сей день не достигли адресата.

Как же получилось, что Надежда Ивановна, упорно и долго занимаясь поиском местного скульптора, не находила никаких следов? История уходит в прошлое.

Леонид Молодоженин учится в Академии художеств у Матвея Манизера. Успешный талантливый ученик с рано начавшейся карьерой. Пospорили с Манизером о теме дипломной работы. Преподаватель настоятельно рекомендовал вылепить скульптуру Якова Свердлова, а Леонид собирался работать над образами кабардинских пастухов. Так и не пришли к общему мнению. Началась Великая Отечественная война. Существует несколько версий того, что случилось с Леонидом. Сразу должна сказать, что ни одна из них не кажется мне до конца правдоподобной. Поэтому излагаю их без комментариев.

Есть предположение, что Леонид учился у скульптора Веры Мухиной и имел бронь (никаких подтверждений этому нет). Когда немцы вошли в Нальчик, он попал в списки молодых людей, которых должны были угнать на работы в Германию. Он познакомился с немецким фронтовым журналистом Эрнстом Шуле и показал ему фотографии своих работ. Тот их оценил и сказал, что сделает так, чтобы его послали в мастерскую Вильгельма Фрасса в Австрию (снова появляется имя этого скульптора, у которого Лёня в своих фантазиях «учился» в Вене, будучи мальчиком). Так Леонид оказался за границей. Фрасс, увидев, что у парня есть способности (Леонид не рассказывал, что учился скульптуре), впоследствии отправил его в Берлин, где Леонид работал ассистентом скульптора Фрица Климша, получив статус иностранного рабочего, и учился в Академии искусств, куда тот его рекомендовал.

Другая версия – из письма сестры Леонида Молодоженина Нины Надежде Ивановне Емельяненко. В начале войны Лёня был призван в Советскую Армию и попал в Грозненское пехотное училище, их курсантский полк был отправлен в Сталинград. Последний «треугольник», который они от него получили: «Ухожу в бой, потом всё напишу». Он попал в плен, а для родных числился без вести пропавшим.

Каждая из этих версий имеет множество неточностей. Как только вы начинаете прорабатывать одну из них, тут же находится доказательство, что так быть не могло. В архиве Лео Мола нет документов военных лет, то есть не известно, действительно ли он был призван в армию или имел бронь, был ли он угнан в Германию на работы или ему смог каким-то образом помочь немецкий корреспондент? Говорила ли правду Нина? Долгие-долгие годы семья о нём ничего не знала. Племянница Нины Григорьевны на далёкой Камчатке клеила обои и совершенно случайно увидела

Леонид Молодоженин. Кабардинский поэт Пачев. Скульптурный портрет. 1940 © Архив и специальные коллекции университета Манитобы, Канада

Леонид Молодоженин. Чайковский. Скульптурный портрет 1938. Гипс. Н. 53 © Архив и специальные коллекции университета Манитобы, Канада

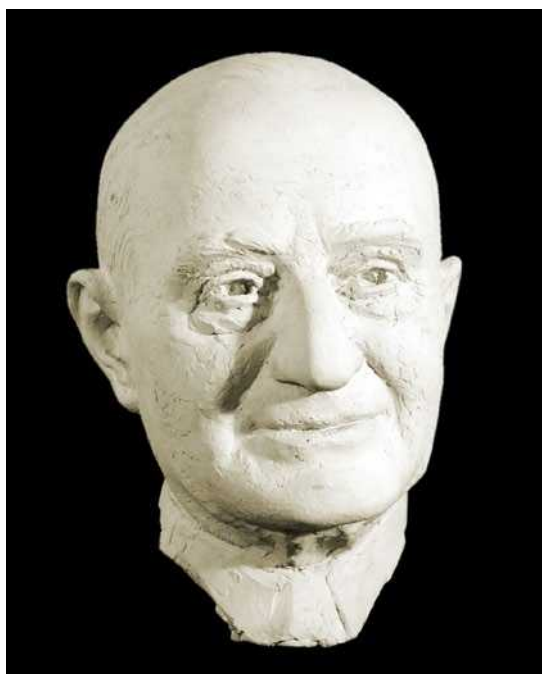
заметку в газете «Труд» об открытии памятника Первозкрестителю Руси св. Владимиру в Лондоне, автором которого был Лео Мол (в скобках значилась фамилия – Леонид Молодоженин), она тут же позвонила Нине Григорьевне. В фильме «Лео Мол в свете и тени» показана встреча родных людей спустя 50 лет. По рассказам Нины, оказавшись в Германии, Леонид очень боялся, что из-за него пострадают близкие, поэтому никогда о себе не сообщал (в некоторых «канадских» интервью он говорит, что был единственным сыном у родителей. – М.Л.). Судьба остальных членов семьи тоже не известна до конца. Надежда Ивановна, пытавшаяся восстановить реальные

козом, поэтому многие мои вопросы к ней в письмах остались без ответа»⁷.

В 90-е Молодоженины были реабилитированы. Кстати, в архиве университета хранятся фотографии работ Леонида, датированные военными годами. Среди них – скульптурный портрет его отца, с любовью названный «Кириллыч», вполне возможно, он позировал сыну в Берлине.

В письмах Нины промелькнула фраза – «его первая жена Катя». Значит, он был женат? Знала ли его жена, что с ним произошло? Какова её судьба? Много вопросов без ответов.

Бессмысленно говорить о том, что это не имеет отношения к творчеству Мола. Его не-

Лео Мол. Фред Мендель. Скульптурный портрет 1979. Н. 32 © Mendel Art Gallery. Саскатун, Канада

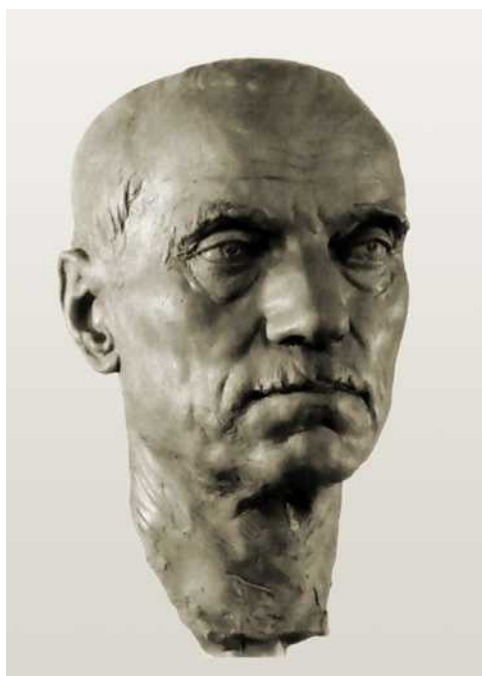
Лео Мол. Wrestling Cubs (Борющиеся медвежата). Скульптура Бронза. Н. 20 © Loch Gallery. Виннипег, Канада

события, поделилась: «Со слов Л. Плужниковой (подруга Нины. – М.Л.), отец и брат ушли вслед за немцами из Нальчика (пребывание Лео в Берлине тогда могло служить основанием для ареста. – М.Л.). Там они его и разыскали. Отец и брат работали в Берлине в театре: первый – швейцаром, второй – художником-декоратором. Потом, когда советские войска успешно продвинулись на Запад, отец и брат решили вернуться в Нальчик, Леонид отговаривал их, рисуя реалистичную перспективу того, что их там ожидает. Отец был арестован сразу по прибытии в Нальчик в 1945 году, Виктор – зимой 1946 года. Всё, что касается периода войны, покрыто тайной. Когда я задавала вопросы при личной встрече с Ниной Зюзиной в 2004 году, – она только плакала. Будучи тяжело больной, она часто лежала в больнице с лей-

истовая работоспособность, скромный образ жизни, умение очерчивать границы при общении, определялись – не думаю, что это будет преувеличением – тем коротким отрезком времени, о котором, по сути, мы не знаем главного: что в точности он совершил, что действительно пришлось пережить, какие решения пришлось принять... Люди, которые долго были с ним знакомы, чувствовали некую недоговорённость, необъяснимость некоторых вещей, следы пережитого в прошлом: «Он словно нёс какую-то Миссию».

Леонид встретил свою будущую жену в Германии. По одним источникам, она была датчанкой, по другим – голландкой, по третьим – немкой. Родилась Маргарет (в девичестве Шолтс) в маленьком австрийском городке Хельмонзерт. Они поженились в сентябре 1943 года.

К концу войны уехали в Голландию, где Леонид устроился на маленькую керамическую фабрику в нескольких километрах от Эйнховена, вскоре он открыл своё небольшое дело по изготовлению глиняной посуды – то, чему когда-то учил его отец. Пошёл в клуб, где собирались художники, постепенно появились связи в творческих кругах. Он вновь обратился к скульптуре, принимал участие в выставках. И, как всегда, учился, учился... Дважды в неделю ездил на занятия в Королевскую академию искусств в Гааге, набирался опыта у мастера по витражам, что впоследствии ему очень пригодилось. И даже научился кататься на велосипеде.

Леонид Молодоженин. Кириллыч. Скульптурный портрет. 1944. Глина © Архив и специальные коллекции университета Манитобы, Канада

Многие говорили тогда о новой жизни в Аргентине, в Канаде. Волею судьбы домом для Мола стал Виннипег. Уже первые его витражи, как мы знаем, привлекли внимание (забегая вперёд скажу, что они украшают более 80 церквей Манитобы). Вскоре он смог снять небольшую студию и решил – в который уже раз – работать с глиной. Он изготовил небольшие фигурки эскимосов, танцующих пар, зверюшек и пытался их пристроить в магазины города, но это было не так просто. Однако постепенно его изделия стали пользоваться спросом, и в начале 50-х годов имя Лео Мола ассоциировалось в Виннипеге именно с керамикой. Эти милые творения по сей день выставляются в художественных галереях и напоминают нам о начале канадского пути скульптора, «выпекавшего» их тогда в собственной печи. Среди них

известная работа «Bear Cubs» (Медвежата), которую впоследствии он сделает большего размера и отольёт в бронзе.

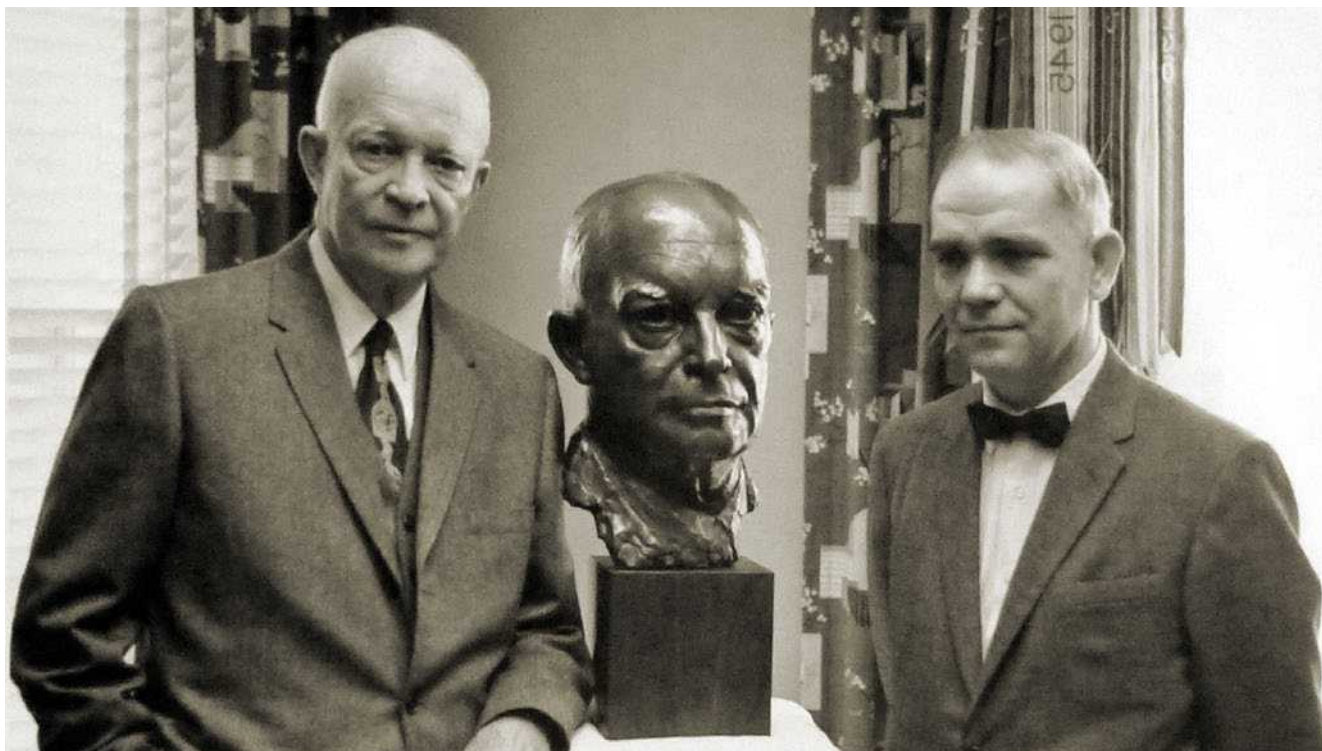
Уже в 52-м году он снова возвращается к скульптурному портрету и создаёт бюст директора Виннипегской художественной галереи Алана Истмана, сразу же серьёзно заявляя о себе как о зрелом скульпторе. Отмечалось бесспорное сходство с «моделью» и главное – можно было почувствовать характер человека, его настроение. То, что в будущем всегда будет отмечать критика. Несколько скульптур этого периода выполнены в бронзе, в технике резьбы по камню (Мол использовал вермонтский мрамор, манитобский известняк, что до-

Дом Лео Мола в Виннипеге. Провинция Манитоба, Канада
Фото С.Плотникова. 2014

вольно редко делали канадские скульпторы того времени): «Torso with pigtails» (Девочка с косичками), бронза; «Madam» (Мадам), бронза; «Torso» (Торс), мрамор.

В 1954 году Маргарет и Лео купили дом на улице Клермонт, 104, что находится в тихом уютном районе Виннипега, в котором они прожили более полувека. Архивист Глория Романюк побывала там, беседуя с Маргарет, и была поражена, насколько скромным оказался дом знаменитого скульптора, обставленный старенькой мебелью (кстати, для своей работы он всегда использовал самые простые недорогие инструменты, мог прийти в гости в старомодном костюме и достать из сумки поношенные домашние тапочки...). Жена Лео Мола запретила ей что-либо записывать, фотографировать, хотя разговаривала с ней охотно.

*Лео Мол с экс-президентом США Дуайтом Эйзенхауэром. Фото. 1965
© Архив и специальные коллекции университета Манитобы, Канада*

Секрет успешного 67-летнего(!) брака? Пошутила: «Надо иметь свой собственный счёт в банке и не просить ни на что денег». Детей у них не было. Объездили весь мир. Встречались с известнейшими людьми планеты.

Брайен Петренко: «Лео был тихим, скромным, деликатным, мягким, добрым. Необыкновенно щедрым человеком. Он был очень обеспеченным, при этом тратил на свой быт минимум. Деньги жертвовал людям: нуждающимся, попавшим в беду, талантливым детям, художественным учебным заведениям. Его единственным условием было молчание: никто и никогда не должен был рассказывать о его дарах».

Из письма Н. Емельяненко: «Лео был скромен в быту, по словам Нины, но одновременно щедр по отношению к другим. Когда Нинина внучка, окончив Иркутский медицинский институт, уехала учиться в Виннипег, Лео снял ей квартиру недалеко от своего дома, оплачивал учёбу и заходил несколько раз в неделю с пакетами, полными продуктов. Когда Нина укоряла его за расточительность, он отвечал: "Самое беспроектное вложение средств – в образование"».

Лео любил животных. Рассказывают, что однажды он принёс домой что-то завернутое в газету, и сказал: «Её сбита машина, жалко, может, выходим». Маргарет была удивлена: «Зачем ты принёс мне крысу?». Отмыла, накормила, выходила. Сказочная белка с пушистым хвостом долго жила вместе с ними, гуляла в саду, возвращалась, служила моделью для

керамических фигурок. Верным другом семьи была любимая собака Шери, которая тоже была запечатлена художником.

Следующее десятилетие многое изменило в жизни Мола... Никому не известный в мире скульптор стал победителем международного конкурса за право быть автором памятника Тарасу Шевченко в Вашингтоне. Два года он работал над этой огромной бронзовой статуей, высотой 7 метров и весом 45 тонн, и стоящим рядом рельефом с изображением Прометея. На открытии памятника в июне 1964 года присутствовал экс-президент страны Д. Эйзенхауэр, что впоследствии сыграло большую роль в продвижении Лео Мола. В 1969 году он выиграл конкурс на создание памятника Шевченко в Буэнос-Айресе.

Через семь месяцев после этого события в столице США Лео Мол получил официальное предложение создать скульптурный портрет Эйзенхауэра. Он был приглашён в резиденцию бывшего президента, где тот позировал ему несколько дней. Эйзенхауэр был человеком творческим, любил рисовать, часто вёл с Лео беседы о методах его работы, хотя поначалу предупреждал, что времени на позирование у него очень мало. Пили кофе, который Эйзенхауэру запрещали врачи, говорили об искусстве... Однажды спросил, почему Лео не измерил его голову, на что Мол ответил: «Измерить, конечно, можно, но сложнее измерить характер». Это то, что удавалось скульптору – он умел

Лео Мол с Андреем Сахаровым. Фото. 1989

© Архив и специальные коллекции университета Манитобы, Канада

Лео Мол. Андрей Сахаров. Скульптурный портрет. 1989. Бронза. Виннипег, Канада

© Архив и специальные коллекции университета Манитобы, Канада

разглядеть человеческие качества, улавливал главное и передавал это в портрете. Видимо, поэтому они нравились заказчикам. В 60-х годах он создал бюст премьер-министра Канады Джона Дифенбейкера, а впоследствии – его статую в бронзе, установленную у Парламента в Оттаве; трёхметровую статую королевы Елизаветы II и других видных деятелей. Его международная репутация росла с каждым годом. По заказу Ватикана он сделал скульптурный портрет Папы Иоанна XXIII (по фотографии), бюсты Папы Павла VI и Папы Иоанна Павла II в бронзе, чему предшествовала работа в студии Ватикана, личные встречи. Пожалуй, Мол был на самом пике своей карьеры: он ваял в Вечном городе, как великие мастера скульптуры. Эти скульптурные портреты получились очень «живые»: Папы улыбаются, хмурятся, у каждого свой неповторимый характер...

Лео Мол встречался в Виннипеге с Андреем Сахаровым, когда тот приезжал по приглашению Международного гуманистического и этического союза, и создал его скульптурный портрет. Известно, что он был знаком с А. Солженицыным, но упоминания о его портрете не нашлось.

Руки Лео создали удивительно лиричные скульптуры женщин в бронзе: «Relaxing» (Отдых), «Sandra» (Сандра), «Dream» (Мечта), «In the Wind» (На ветру), «Surprise» (Удивление) «Ellene» (Элен) и множество других, немало детских портретов, памятников канадским

Папа Иоанн Павел II рядом со своим бюстом работы Лео Мола. Фото. 1979

© Архив и специальные коллекции университета Манитобы, Канада

*Лео Мол. Blind Bandurist (Слепой бандурист). Скульптура. 1996
Сад Лео Мола © Фото М. Грандмезона. Виннипег, Канада*

художникам. Они выглядят современными и сегодня. Одна из его известных работ в 80-х годах – памятник мужественному канадскому спортсмену Терри Фоксу в Оттаве.

Творческая жизнь Л. Мола была очень долгой (он продолжал работать на девятом десятке, последняя, к сожалению, незавершённая работа датируется 2005 годом). Он всегда был занят, востребован и успешен. Замечательно, что нашлись в Виннипеге люди, которые помогли ему воплотить один из гигантских проектов его жизни. В июне 1992 года был открыт Сад скульптур Лео Мола на территории огромного городского парка Ассинибойн. Жители города получили подарок – более 300 авторских скульптур обрели дом. Здесь же расположилась и галерея скульптора, а также перевезённая в Сад его студия, где можно увидеть, как создавались некоторые скульптуры, посмотреть фильм о Лео.

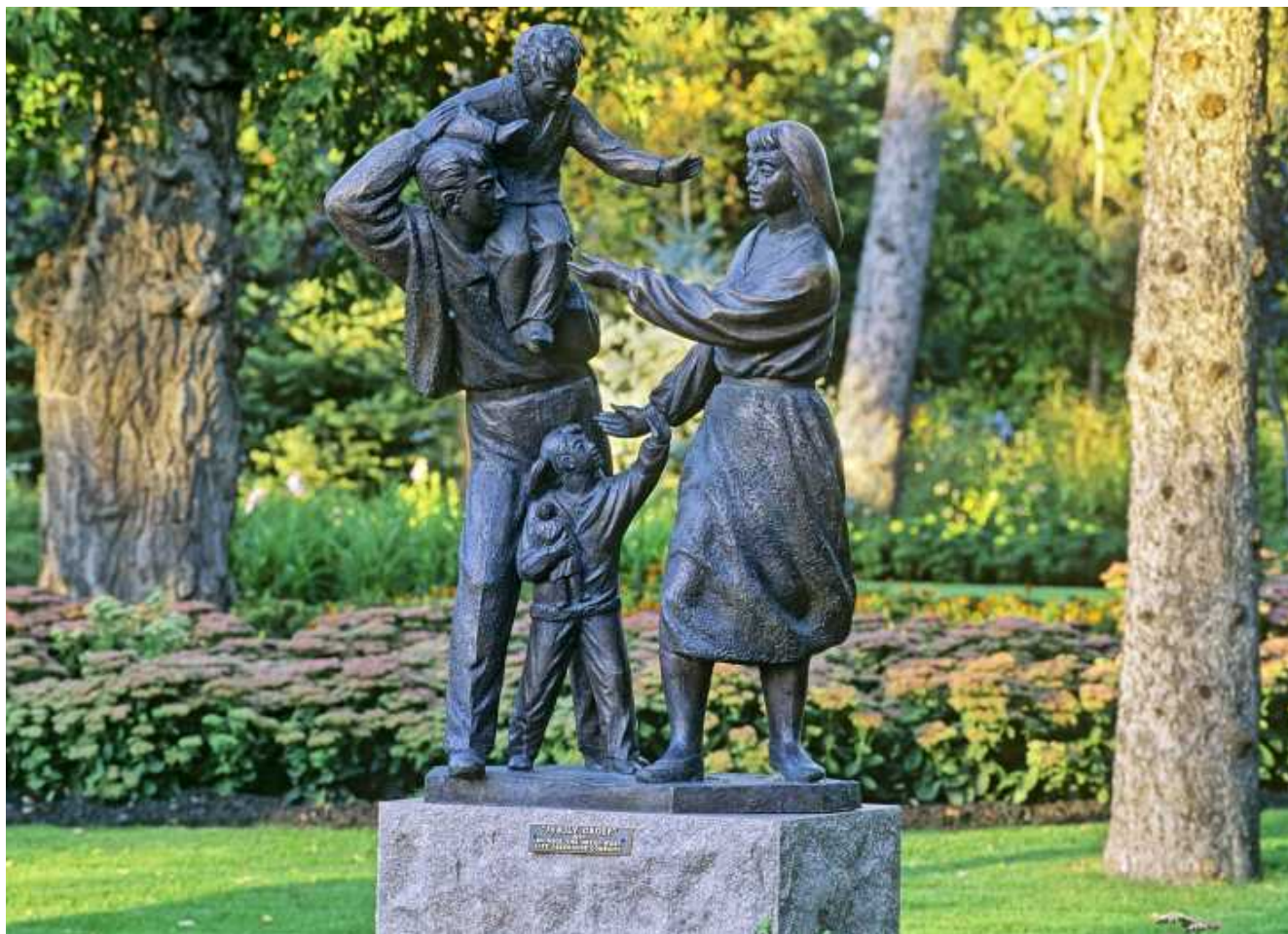
Моим гидом по парку был известный в Канаде фотограф Майк Грандмезон, который не один раз снимал скульптуры в разные времена года, в разную погоду: «Мне очень нравится приходить сюда, каждый раз сад выглядит по-новому...». В вышеупомянутом докумен-

*Сад Лео Мола в Виннипеге, открытый в 1992 г.
© Фото М. Грандмезона. Виннипег, Канада*

тальном фильме «Лео Мол в свете и тени» показано, как монтировались эти скульптуры и как внимательно следил за всем Лео, а ведь ему было тогда уже под восемьдесят. Он любил посещать свой сад, сядет на скамеечку и смотрит на людей, на свои творения, думает... Каждая скульптура имеет свою историю, свой «прототип», с каждой связаны свои переживания... Иногда он слышал, как люди говорили друг другу: «О, какие красивые работы, наверное, этот скульптор давно умер». «Нет-нет, он жив, – голубые глаза под мохнатыми бровями лукаво щурились, – Вы даже можете посидеть с ним на скамейке», – улыбаясь, уточнял Мол.

Когда-то Лео Мол познакомился с молодым человеком, выходцем из Шотландии Давидом Локом, который мечтал открыть галерею в Виннипеге. Впоследствии Loch Gallery стала главным дилером скульптора на многие годы. И по сей день в ней выставляются его работы. Их можно увидеть также в другой художественной галерее – Mayberry Fine Art Gallery, где её сотрудница Лорейн Крон, уже несколько лет работает над первым полным каталогом работ Л. Мола. Здесь хранятся рисунки Лео, его керамика, скульптура.

*Лео Мол. Family Group (Семья). Скульптура. 1990. Сад Лео Мола
© Фото М. Грандмезона. Виннипег, Канада*

В архиве Мола можно найти переписку с теми, кого скульптор ваял, даже квитанции об оплате за его работу и билеты в Германию, куда он летал дважды в год – чаще весной и осенью, в мастерскую Отто Штреле в Мюнхене, начиная с 1967 года там отливались почти все его скульптуры (в этом процессе он тоже всегда участвовал). Немало в архиве эскизов, набросков-идей будущих скульптур.

Он был действительно человеком мира. Никогда не забывал Украину, был тесно связан с украинской диаспорой в Канаде, посещал службу в Кафедральном соборе святых Владимира и Ольги, где чудесные витражи Лео придают зданию торжественность и неповторимость. Помнил о Нальчике, Ленинграде, очень часто работал в Европе, Америке... Владел украинским, русским, немецким, английским языками. Очень хорошо знал историю искусств.

О Лео Моле – скульпторе с мировым именем – написано множество статей и книг, но о Лео-художнике сказано мало. Однако Мола всегда привлекала живопись, видимо, ещё со школьной поры. Несколько его картин выставлено в галерее в Саду, несколько хранится в

Национальном музее Кабардино-Балкарской республики (из тех, что успели получить от Маргарет Мол), многие из них – в канадских галереях. Он писал маслом и пастелью, отдавал предпочтение пейзажу, ездил на пленэр, говорят, так он отдыхал. Его эскизы, безусловно, имеют своё самостоятельное художественное значение. Пожалуй, это было для меня большой неожиданностью – увидеть в архиве столько его замечательных работ. Умение рисовать, быстро схватывать особенности человеческого лица, тела; чувство пропорций – всё это было частью подготовительной работы над скульптурой: миниатюрной в начале его пути и затем – больших форм. Мол ежедневно выделял время на то, чтобы рисовать модели, обнажённые натуры. Использовал тушь, уголь, карандаш. Он оставил сотни таких рисунков.

Кстати, Маргарет следила, чтобы все произведения Лео были сфотографированы и аккуратно, по годам, расставлены в коробках – большой труд. Когда-то она, как мы упоминали, работала учительницей в школе, потом давала частные уроки на дому. Со временем она полностью растворилась в делах мужа. Была женой, другом, секретарём, делопроиз-

Лео Мол. Один из витражей в Греческой
ортодоксальной церкви святого Димитрия
Фото С. Плотникова. 2014. Виннипег, Канада

Лео Мол. Один из витражей в Crestview United
Church в Виннипеге. 1957
© Mayberry Fine Art Gallery. Виннипег, Канада

водителем, представителем скульптора Лео Мола, его предвзятым архивариусом. Она сохранила то, что нужно было сохранить, и уничтожила то, о чём бы он не хотел рассказывать людям. «После его смерти в 2009 году, – делится Брайен Петренко, – Маргарет работала с документами Лео каждый день, без отдыха, не покладая рук: хотела успеть привести всё в порядок. Она была умной интересной женщиной, знала несколько языков, говорят, имела искусствоведческое образование...». Она умела быть в тени Мола и в то же время играла очень важную роль в его жизни.

После встречи с сестрой Ниной он съездил в Санкт-Петербург, побывал в Академии, где учился в 30-х годах, встретился со своими бывшими друзьями Львом Кербелем и Михаилом Аникушиным, все ещё тогда были живы... Лео Мол писал Кербелю после встречи в 1993 году: «Как было приятно увидеть

Лео Мол. Один из витражей в Кафедральном
соборе святых Владимира и Ольги. 1970-е
Фото С. Плотникова. 2014. Виннипег, Канада

мастерскую, полную твоих интересных работ... Это настоящий музей. Незабываемо и посещение Новодевичьего кладбища, где тобою поставлено столько интересных надгробий. Мы поклонились Матвею Генриховичу Манизеру – нашему учителю, который привил нам глубокую любовь к искусству...»⁸. Лев Кербель: «Дорогой Лёня! Я рад нашей встрече. Рад твоим успехам. Горжусь нашей русской академической школой...»⁹

Трогательные поздние свидания...

В конце 30-х годов прошлого века Леонид Молодоженин помогал своему учителю Матвею Манизеру в работе над памятником Тарасу Шевченко, который был установлен в Харькове. В 2000 году в Санкт-Петербурге, в сквере у станции метро «Петроградская» был воздвигнут трёхметровый памятник Т. Шевченко в бронзе, который подарил городу его автор Лео Мол. Он был награждён медалью в честь 300-летия Санкт-Петербурга. Председатель постоянной комиссии по образованию, культуре и науке С. Андреев прислал тогда скульптору письмо: «Считаю Вас одним из очень одарённых скульпторов современности».

В конце жизни Лео перестал узнавать Маргарет, скорее всего, он забыл всё: и тяжёлое, и радостное. Воспоминания больше не мучали его, и это было справедливо. Возможно, последнее, что он видел в своих фантазиях, был гонимый круг его отца, его Кириллыча, до которого можно было дотянуться рукой...

Мария Лакман,

исследователь (www.artmemories.vpweb.ca), Канада

Автор благодарит за помощь в подготовке статьи: Надежду Емельяненко, старшего научного сотрудника экспозиционного отдела Национального музея Кабардино-Балкарской автономной республики (Нальчик, Россия); Джеймса Коминковского, архивиста и библиотекаря славянской литературы Архива и специальных коллекций университета Манитобы (Виннипег, Канада); Линду Эдди, ассистента библиотеки этого же архива; Лорэйн Крон, исследователя и искусствоведа Mayberry Fine Art Gallery (Виннипег, Канада); Софи Лавуа, художника и менеджера Loch Gallery (Виннипег, Канада); архивиста украинской католической архиепархии Виннипега Глорию Романюк (Виннипег, Канада); друга семьи Молев Брайдена Петренко (Виннипег, Канада); фотохудожника Майка Грандмезона (Виннипег, Канада); координатора по связям с общественностью Mendel Art Gallery Шилу Робертсон и регистратора этой галереи Дональда Роча (Саскатун, Канада).

The author gratefully acknowledges the help of: Nadezhda Emelianenko (National Museum of Kabardino-Balkaria Republic), James Kominowski, Linda Eddy (University of Manitoba Archives & Special Collections), Lorraine Krahn (Mayberry Fine Art Gallery), Sophie Lavoie (Loch Gallery), Gloria Romaniuk (Archives of Ukrainian Catholic Archeparchy of Winnipeg), Brian Petrenko, friend of Mol's family, Mike Grandmaison, photographer, Sheila Robertson and Donald Roach (Mendel Art Gallery)

Лео Мол возле памятника Т.Шевченко
в Санкт-Петербурге. Фото. 2000

© Архив и специальные коллекции университета
Манитобы, Канада

Примечания

1. 4. The Saga of Leonid Molodoshanin by F.S.Manor // University of Manitoba archives & special collections, Canada. (Не опубли., здесь и далее – пер. авт.)
- 2-3. Leo Mol. Sculptor and Artist of Canada by J. Shen // University of Manitoba archives... (Не опубли.)
5. Duval P. Leo Mol Sculpture Garden. Manitoba, 1993. P. 10.
6. Степовик Д. Скульптор Лео Мол: Жизнь и творчество. Киев: Мистецтво, 1995.
7. Письмо Н.И. Емельяненко – автору. 2014 // Личный архив автора.
- 8, 9. Из переписки Л. Мола с М. Кербелем // University of Manitoba archives...